

UNITED WISDOM

Непереводимые слова: что теряется вместе с контекстом

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-04-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Непереводимые слова: что теряется вместе с контекстом

Эпиграф

«Я передаю смысл за смыслом, а не слово за словом».

Иероним, Письмо 57, §5. Собственный русский перевод краткого фрагмента английского перевода, атрибутированного W. H. Fremantle, G. Lewis и W. G. Martley; оговорка о Священном Писании разобрана в разделе IV.

О чём эта статья

Мы открываем перевод и встречаем слово, которое обещает доступ к чужому опыту. Комментарий предупреждает: точного соответствия нет. Это может означать несколько разных трудностей: отсутствует короткое название, расходятся привычные ассоциации, неизвестны правила обращения или теряется звучание. Если собрать всё под одним словом «непереводимость», любопытство легко превращается в убеждение, будто чужая жизнь в принципе закрыта для понимания. Статья предлагает иной маршрут: выяснять, что именно требуется сохранить в данном месте текста и какой способ передачи этому помогает. Мы сопоставим отдельные рассуждения Локка, Иеронима и Шлейермахера, а также два исторических текста о языке, сохраняя различия между их задачами. Перевод здесь рассматривается как работа с конкретной потерей и конкретным читателем. Он может нуждаться в пояснении, повторном чтении и признании остатка, который пока не удалось передать. Ни один из этих шагов не даёт переводчику права говорить за всех носителей языка или объявлять свою версию окончательной.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Что означает слово «непереводимо»

Представим условное письмо, где человек одним привычным словом называет вечер после долгого отсутствия: дом знаком, близкие рядом, но прежняя жизнь уже изменилась. В переводе появляется «грусть». Оно передаёт часть настроения, однако оставляет за пределами возвращение, принадлежность и разрыв времени. Если редактор называет исходное слово непереводимым, полезно спросить: нельзя передать ничего или нельзя упаковать нужные различия в одно столь же короткое слово? Во втором случае описание уже начинает выполнять работу. Мы не доказали, что восстановили всё переживание, но получили проверяемый вопрос о конкретном месте, вместо обещания непостижимой тайны. Этот пример придуман для статьи; он не представляет реальный словарь какого-либо языка и не устанавливает особую психологию народа.

Удобно различать несколько потерь. Словарная потеря касается отсутствующего краткого соответствия; ситуативная — обстоятельств, которые участники знали без пояснения. Потеря обращения меняет отношения между говорящими: почтительное, дружеское или вызывающее выражение звучит иначе. Потеря формы касается ритма, повторения, созвучия и расположения фразы. Эти различия предложены здесь как рабочие вопросы, а не как исчерпывающая научная классификация. В одном слове могут соединяться сразу несколько задач. Поэтому оценка перевода начинается с определения приоритета: что читатель должен понять, услышать или сделать именно сейчас? Без такого уточнения два добросовестных перевода можно ошибочно объявить взаимоисключающими, хотя они сохраняют разные части исходного сообщения.

Сильное слово «невозможно» тоже требует масштаба. Неудача одного варианта не доказывает неудачу всех будущих объяснений. Вместе с тем возможность длинного пересказа не обещает, что он заменит краткую реплику в стихотворении или разговоре. Иногда перевод способен сообщить, что произошло, но иначе распределяет внимание и ожидание. Такой результат можно признать одновременно полезным и неполным. Читателю не обязательно выбирать между восхищением без проверки и требованием полного совпадения. Он может попросить показать конкретную утрату, рассмотреть предложенное восполнение и оставить вопрос открытым там, где сравнение ещё не выполнено. Эта умеренная позиция делает перевод предметом обсуждения, а не испытанием на принадлежность к посвящённым.

II. Одно название и сложившаяся практика

В третьей книге «Опыта о человеческом разумении», главе V, §§7–10 Локк связывает названия сложных сочетаний идей с потребностями общения. В §8 он обсуждает слова, которым нет точного соответствия в другом языке; в §10 допускает описание того, что происходило в римском триумфе, даже без объединяющего названия. Это философское рассуждение о формировании понятий, а не современный обзор всех языков. Его полезный для нашей темы поворот состоит в различении компактного обозначения и возможности описания. При этом исторические сравнения языков у Локка не следует принимать как нынешнюю оценку их возможностей. Для дальнейшего разбора достаточно ограниченного вопроса: какие элементы удерживает вместе выбранное название?

Возьмём придуманный термин учреждения: «допуск» означает пройденную проверку, запись в журнале и разрешение участвовать в определённом действии. В соседней организации знакомое слово может означать лишь приглашение. Если переводчик выбирает его без пояснения, читатель получает слишком раннее разрешение. Словарная близость здесь скрывает различие процедуры. Его можно восстановить описанием условий: кто проверяет, где записывается результат, на какой срок действует решение. Тогда перевод становится длиннее, зато не подменяет практику. Это редакционный пример, а не юридический совет и не утверждение о конкретной системе допуска. Он показывает, почему для некоторой лексики полезно переводить вместе с названием отношения и ожидаемые действия, которые оно сокращает.

Из этой возможности не следует, что любой термин можно без остатка свести к инструкции. В рассказе слово учреждения может ещё выражать страх, принадлежность или иронию. Однако можно отделить то, что уже удалось прояснить, от того, что требует чтения дальше. Мы выяснили процедуру, но ещё не услышали голос рассказчика; или поняли настроение, но не поняли его полномочия. Такое разделение удерживает честность работы. Оно также позволяет обнаружить разные ошибки: неточное правило исправляется одним способом, утраченная ирония другим. Общая формула «у них иначе» не заменяет ни одной проверки. Контекст становится полезным, когда его части действительно объясняют связь выбранного слова с данным действием, а не просто создают впечатление культурной глубины.

III. Контекст состоит из связей

Контекст часто предлагают как средство от любой трудности, не уточняя, что именно нужно добавить. Для читателя это может обернуться бесконечной исторической справкой, после которой исходная фраза остаётся столь же туманной. Более точный вопрос звучит иначе: какое отсутствующее отношение меняет её понимание? Это могут быть предыдущая реплика, положение собеседников, повод встречи, употребление слова в соседних главах. Нужное дополнение выбирается по месту затруднения. Если непонятно, кого хвалят, достаточно восстановить адресата; если непонятно, является ли фраза насмешкой, потребуется больше. Объём комментария должен следовать вопросу, а не служить демонстрацией эрудиции. Так читатель получает возможность проверить, зачем ему сообщают новую подробность.

В воспоминании Августина об освоении речи в первой книге «Исповеди» слова связаны с движениями тела, указанием и происходящим вокруг. Это религиозная автобиография, обращённая к Богу, а не наблюдение современной экспериментальной психологии. Для нашего сопоставления важна изображённая сцена: значение узнаётся в отношениях слова и действия. Перенося этот вопрос в чтение перевода, мы можем спросить, какая сцена была доступна участникам и недоступна нам. Такое применение принадлежит статье. Оно не делает рассказ Августина доказательством универсального механизма обучения и не требует соглашаться со всем его богословием. Исторический текст здесь помогает сформулировать вопрос, который затем должен проверяться на конкретном переводимом месте.

Комментарий тоже может достроить больше, чем позволяют свидетельства. Предположим, редактор объясняет краткое обращение древним обычаем, но не указывает, откуда знает, что этот обычай действовал именно в данной ситуации. У читателя возникает яркая картина, которой текст не подтверждает. Полезно различать установленную подробность, вероятную реконструкцию и современную аналогию. Они могут помогать по-разному, однако должны быть названы. Особенно осторожно стоит говорить от имени целой культуры: знакомое нам употребление не устанавливает единый смысл для всех времён, жанров и людей. Хороший контекст увеличивает число доступных проверок. Красивый, но неподтверждённый контекст способен сделать ошибку убедительнее. Поэтому вопрос о происхождении пояснения столь же необходим, как вопрос о переводе слова.

IV. Смысл и форма в защите Иеронима

В Письме 57 Иероним защищает свой способ перевода в конкретном споре. В §5 он говорит о передаче смысла вместо последовательной замены слов, отдельно оговаривая Священное Писание, где для него значим даже порядок слов. Там же обсуждаются трудности сохранения выразительности. Эти оговорки не позволяют превратить краткую формулу эпиграфа в безусловное разрешение свободно переписывать любой текст. Источник показывает позицию исторического участника полемики, а не нейтральное правило для всех переводчиков. Его утверждения о собственном переводе также остаются частью защиты; статья не проверяет описанный им перевод по греческому оригиналу. Нам важен названный им выбор между соответствием отдельных единиц и передачей смысла высказывания.

В собственной работе такой выбор требует назвать, что считается смыслом. Если вежливое обращение заменить дружеским, информация о приглашении может сохраниться, а отношения между участниками измениться. Если сложную фразу разбить на короткие, аргумент станет доступнее, но исчезнет усилие удерживать несколько оговорок одновременно. Ни одно решение не оказывается верным только благодаря слову «смысл». Переводчик должен показать, что сохранил, ради чего изменил форму и какие последствия признаёт. Для читателя это возможность оценить конкретный обмен. В учебном объяснении допустимо раскрыть сокращение, которое в художественной реплике лучше оставить ощутимым. Назначение текста помогает выбирать, однако не отменяет ответственности за добавленное утверждение или исчезнувшее различие.

Здесь возникает предел комментария, который стоит уважать. Примечание способно сообщить, что обращение было почтительным; оно не обязательно заставит читателя пережить ту же дистанцию, которую слышали первоначальные адресаты. Нельзя обещать полное восстановление эффекта одной справкой. Но неполнота не делает справку бесполезной: она может остановить ошибочное чтение и обозначить остаток. Различие между объяснённым отношением и воспроизведённым звучанием особенно заметно в коротких репликах. Иногда приходится предложить две версии, одну более ясную, другую более близкую к строению исходной фразы. Честное представление вариантов полезнее заявления, будто найдено единственное слово, которое незаметно возвращает всё утраченное. В таком сравнении читатель становится участником оценки, сохраняя право не выбирать немедленно.

V. Как далеко перемещается читатель

В рассуждении о методах перевода Шлейермахер различает два направления: приблизить читателя к автору либо автора к читателю. В прочитанном фрагменте английского перевода Waltraud Bartscht, в разделе о двух направлениях, это связано с разными целями и последовательностью выбранного метода. Ранее, в обсуждении пересказа и подражания, он критически рассматривает поясняющий пересказ и подражание. Статья использует только эти положения и не выдаёт их за полный обзор его теории. Для нынешнего читателя различение полезно как вопрос о цене удобства: насколько перевод сохраняет встречу с иной речью, а насколько перестраивает её под знакомые ожидания? Ответ нельзя вывести из одной лишь плавности текста.

Представим два перевода условного разговора. В первом остаётся непривычный порядок обращения, а рядом дано короткое пояснение. Читатель должен на время принять более медленный темп. Во втором порядок перестроен так, чтобы разговор выглядел привычным, но важная дистанция участников сообщается иначе. Оба решения имеют понятную цель. Проблема начинается, когда второе подаётся как прозрачное окно без изменений или первое объявляется автоматически более верным из-за своей трудности. Необычность может быть следом оригинала, а может быть случайной неуклюжестью. Удобство может быть продуманной передачей, а может скрывать исчезнувшее различие. Для оценки требуется сопоставление конкретных мест и объяснение выбора; настроение читателя само по себе не служит доказательством точности.

Поэтому полезно читать предисловие переводчика как часть устройства книги. Какую аудиторию он предполагает? Какие слова оставляет без перевода? Где добавляет пояснения и как обозначает собственное вмешательство? Ответы не гарантируют качества, но делают способ работы видимым. Даже читатель без исходного языка может заметить, что примечание сообщает альтернативу, а основной текст оставляет только одну версию. Он вправе уточнить, является ли это осознанным решением. При сравнении переводов цель также важна: версия для первого знакомства и версия для изучения терминологии могут предлагать разную нагрузку. Их различие не следует сразу превращать в состязание. Сначала нужно понять, какой доступ каждая обещает и где именно выполняет это обещание.

VI. Чужое слово в знакомом алфавите

Оставить исходное слово в транслитерации — один из способов заметить границу перевода. Но знакомый алфавит не переносит вместе с собой правила употребления. Читатель может произносить термин уверенно и всё ещё не знать, обозначает ли он качество человека, действие, отношение или предмет спора. Более того, чужое слово иногда получает в новой среде собственную удобную жизнь, которую затем приписывают оригиналу. Само заимствование не является ошибкой. Ошибка возникает, когда его нынешнее употребление без проверки выдают за неизменный голос исходного текста. Помочь может короткая помета о том, в каком месте и в каком значении термин используется здесь, а какие соседние значения пока не обсуждаются.

Первая глава «Дао дэ цзина» в историческом переводе Джеймса Легга различает называемое имя и неизменное имя в особом философско-религиозном горизонте. Этот текст не является руководством по переводу. Его можно поставить рядом с нашей темой лишь с явной границей: внимание к пределу названия помогает спросить, не принимаем ли мы удобное обозначение за завершённое знание. Это вопрос статьи, а не извлечённая из главы универсальная лингвистическая теория. Перевод Легга тоже остаётся посредником; китайский текст здесь не сверялся. Именно поэтому оставленное слово «дао» не должно служить доказательством, что все участники разговора уже понимают один и тот же предмет одинаково.

Полезный комментарий к заимствованию способен быть небольшим. Он может назвать функцию слова в данном предложении, показать ближайший контраст и предупредить об альтернативном переводе. Иногда этого достаточно для текущего чтения. В других случаях понадобится история употреблений, но её не следует угадывать по звучанию. Мы можем оставить слово открытым и вернуться к нему после следующего эпизода. Такая отсрочка отличается от капитуляции: известно, какой вопрос не решён и какие места могли бы помочь. Она отличается и от поклонения загадке: термин не получает права оправдывать любой вывод. Чужая форма приглашает к уточнению, если сопровождается доступной дорогой проверки; без неё она может лишь скрыть отсутствие объяснения.

VII. Переживание и право на пояснение

Особенно соблазнительно объявлять непереводимыми слова о чувствах. Они обещают сразу два подарка: новое имя для знакомого состояния и встречу с опытом, который раньше казался недоступным. Однако человек может узнавать себя в переводе по разным причинам. Его привлекает точное различие, красивый образ или ситуация, близкая собственной жизни. Это узнавание имеет личную ценность, но не устанавливает ни словарную точность, ни общую психологию носителей языка. Читатель вправе сказать: это описание мне подходит. Для утверждения, что исходное слово всегда означает именно это, нужны другие основания. Разделение этих двух шагов позволяет сохранить удовольствие чтения и одновременно не превращать его в чужую биографию.

В разговоре с человеком, который выбирает слово для своего состояния, задача меняется. Не нужно исправлять его выражение ради точной схемы перевода. Можно, если это уместно и желанно, спросить, что в нём важнее: одиночество, ожидание, утрата или что-то ещё. Предложенные элементы остаются приглашением, а не тестом. Человек может отвергнуть их все, предпочесть молчание или описать ситуацию иначе. Невозможность подобрать краткий эквивалент не делает его сообщение недействительным. Здесь ответственность слушателя состоит в доступности уточнения и уважении к ответу. Исторические рассуждения о переводе не устанавливают профессиональной психологической процедуры; этот раздел предлагает этическую осторожность повседневного общения, без обещания изменить состояние собеседника.

Обратная опасность возникает, когда чужому человеку приписывают особое переживание из-за языка его семьи. Тогда слово становится культурным паспортом: ему будто положено чувствовать определённым образом. Даже подробное знание текста не даёт такого права. Одна традиция содержит разные голоса, а один человек может пользоваться несколькими языками и спорить с привычными описаниями. Поэтому полезно возвращать предложение владельцу: правильно ли я понял, что ты имеешь в виду именно эту связь? Ответ собеседника не решает все исторические вопросы о термине, зато уточняет нынешнее общение. Уважение к личному употреблению и проверка источника решают разные задачи. Их можно поддерживать одновременно, не требуя, чтобы человек представлял целый народ или объяснял его всем присутствующим.

VIII. Когда ошибка имеет последствия

В стихотворении потеря ритма может изменить впечатление; в инструкции потеря условия способна изменить действие. Это различие целей стоит учитывать до выбора эквивалента. В условном сообщении «можно продолжить после подтверждения» нельзя сохранять только общее чувство ободрения, убрав ожидание подтверждения. И наоборот, художественный образ не обязательно следует превращать в перечень условий, если от него не зависит инструкция. Слова получают разную цену ошибки в разных ситуациях. Статья не предлагает профессиональный стандарт для права, медицины или техники. Она напоминает о простом редакционном различии: где перевод передаёт переживание, а где утверждает разрешение, обязанность, срок или последовательность. Во втором случае условия требуют отдельной проверки.

Если вопрос важен для решения, недостаточно спросить у автоматического переводчика ещё один красивый вариант. Нужно сохранить исходный фрагмент, ближайшие предложения, сведения о редакции и конкретный нерешённый вопрос. Квалифицированному проверяющему гораздо легче оценить такую задачу, чем отвечать на просьбу передать весь культурный смысл одного слова. Незнакомый язык может ограничивать собственную оценку, и это ограничение следует назвать. Различие двух переводов само по себе не показывает, какой верен: обе версии могут повторять одну ошибку или следовать разным задачам. Показатель уверенности системы также не заменяет текстового основания. Наша рабочая запись должна позволять другому человеку увидеть, откуда взялся выбор и что ещё нуждается в проверке.

Когда точность пока не установлена, возможен промежуточный шаг. Для личного чтения можно отметить неопределённость и идти дальше. Для действия, которое зависит от спорного условия, стоит получить подходящее уточнение до использования перевода. Это не общая команда откладывать жизнь из-за каждого слова: решение зависит от конкретного последствия. Если обнаружилась ошибка, исправление должно дойти до тех мест, где использовалась прежняя версия. Иногда достаточно поправить примечание, иногда потребуется изменить инструкцию или объяснить прежнему адресату новый смысл. Сохранение истории изменения помогает понять, какой вариант читали раньше. Возможность пересмотра здесь важнее впечатления безошибочности; хороший перевод допускает точную поправку без необходимости отвергать всю книгу целиком.

IX. Сравнение, которое можно повторить

Полезное сравнение переводов начинается с одного места, а не с репутации изданий. Выберите выражение и запишите, какие различия заметны: субъект действия, степень уверенности, обращение, образ, условие. Затем посмотрите, остаётся ли расхождение в ближайшем абзаце. Возможно, один вариант уточняет смысл сразу, другой позже. Если прочитать только отдельное слово, это устройство легко пропустить. Даже без исходного языка такая запись показывает, что именно вызывает вопрос. Она не позволяет самостоятельно объявить победителя, но готовит предмет для консультации или дальнейшего чтения. Сравнение становится повторяемым, когда другой читатель может открыть те же места и понять ход сомнения, не доверяя только нашему общему впечатлению.

Затем полезно проверить происхождение различий. Перед нами прямые переводы одного оригинала, переработка предыдущей версии или разные редакции исходного текста? Эта информация иногда находится в выходных данных и предисловии. Если её нет, отсутствие нужно сохранить как отсутствие, а не дополнить правдоподобной историей. Две похожие версии ещё не подтверждают независимость, две разные ещё не доказывают оригинальность. В собственном заметочном листе можно отделить прочитанные страницы от найденных библиографических сведений. Это особенно важно при цитировании: ссылка на доступную книгу не означает, что мы сверили всё произведение. Достаточно честно назвать использованный фрагмент и редакцию, чтобы последующая проверка получила опору и не наследовала выдуманное чтение.

В завершение сравнения полезно записать не только предпочтение, но и оставшийся вопрос. Например: первый вариант лучше показывает дистанцию собеседников; второй яснее сообщает условие; ритм оригинала не проверен. Такая запись богаче простого рейтинга и не требует от новичка невозможной компетенции. Она также позволяет увидеть, когда переводы дополняют друг друга. Повторное чтение может изменить предпочтение после следующей главы, и это нормальное следствие новой информации. Обсуждение тогда сосредоточено на месте текста и задаче передачи. Личный вкус остаётся важным для чтения, однако не подменяет источник. Мы можем предпочитать плавную версию и одновременно знать, какое различие стоит проверить в более трудной, сохраняя обе причины выбора видимыми.

X. Остаток, с которым можно работать

После уточнений иногда остаётся чувство, что объяснение не заменило слово. Этот остаток не обязательно является ошибкой. Он может касаться звука, привычности, связей с другими текстами или биографического узнавания. Важно не объединять их без различения и не присваивать им заранее мистический статус. Если мы не сверили звучание, честнее сказать именно это. Если понимаем функцию, но не умеем передать краткость, можно назвать найденную цену перевода. Так неполнота становится описываемой. Она не исчезает от признания, зато перестаёт оправдывать любое утверждение. Читатель получает ограниченное, но реальное знание о том, что удалось передать и где ещё требуется работа.

Перевод также способен создавать новый доступ. Объясняющая фраза может сделать видимым отношение, которое привычный читатель исходного языка не проговаривает; сопоставление вариантов может выделить спор внутри традиции. Это возможности конкретного чтения, а не обещание, что перевод всегда улучшает оригинал. Добавление следует отличать от передачи, а догадку от установленного смысла. В хорошей редакционной работе оба вида деятельности могут соседствовать с понятными пометами. Тогда читатель узнаёт и текст, и то, каким путём его к нему привели. Доступность не требует притворяться, будто посредника нет. Напротив, видимость его решений помогает пользоваться переводом свободнее и задавать точные вопросы без необходимости заранее владеть всем языком.

Слово «непереводимо» оказывается наиболее полезным как начало исследования определённой потери. Оно напоминает, что краткое соответствие может не удерживать все связи, но не выдаёт культуру за закрытую комнату. Дальнейшая работа состоит из небольших различений: где нужен контекст, где другой вариант, где помощь специалиста, где признание неустановленного. Исторические авторы предложили разные способы думать о языке и переводе; их не нужно сводить к одному тайному учению. Для сегодняшнего читателя достаточно сохранить ясный вопрос и возможность пересмотра. Мы можем приблизиться к чужому выражению, не объявляя встречу завершённой. Уважение проявляется в точности этого приближения, а также в праве другого человека или следующего чтения изменить нашу уверенность.

Что это значит на практике

Для добровольной небольшой работы выберите одно выражение из текста, который уже читаете. Сохраните предложение и соседний абзац, название издания и имя переводчика. Запишите, что вызывает трудность: краткое соответствие, отношения говорящих, правило действия, образ или форма. Не нужно исследовать все категории. Если слово просто нравится и сейчас не связано с важным вопросом, можно оставить его без упражнения. Эта запись служит организации чтения; её влияние на память или психологическое состояние здесь не установлено. Собственный опыт узнавания тоже можно сохранить отдельной строкой, чтобы он не выдавался за проверку исторического значения и не потерял свою личную ценность.

Если доступна вторая версия, сравните то же место целиком. Сформулируйте один вопрос, который изменил бы понимание: является ли обращение почтительным, сохраняется ли условие, кто выполняет действие? Посмотрите, отвечает ли предисловие или примечание, и отметьте происхождение ответа. При отсутствии основания оставьте помету «не установлено». Можно предложить собственный описательный вариант, назвав его пояснением, а не цитатой. Не требуйте от знакомого носителя языка представлять все эпохи и жанры; если спрашиваете его о личном употреблении, сохраняйте этот масштаб ответа. Для значимого профессионального действия нужна соответствующая проверка, а не расширение домашнего упражнения до роли экспертного заключения.

В конце запишите, что удалось сохранить и чего вы пока не проверили. Например: описание события стало яснее, степень близости участников остаётся спорной, звучание оригинала не сверялось. Оставьте исходную версию рядом с новой, чтобы последующее чтение могло изменить вывод. Если вопрос перестал помогать и сравнение превращается в принуждение к идеальному пониманию, допустимо остановиться. Вернуться можно позже или не возвращаться совсем. Цель такой работы — сделать конкретный выбор видимым и пригодным для обсуждения. Она не обязывает достигать полного совпадения переживаний и не даёт права исправлять чужое самоописание ради красивой теории языка.

Ключевая цитата

> *«Имя словно узел, который крепко связывает их вместе».*

Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении», III.V.10. Собственный русский перевод краткого фрагмента английского текста; «их» относится к частям сложной идеи, а не к народам или всем человеческим переживаниям.

Связи между традициями

Сопоставление	Общий вопрос	Различие оснований и предел
Локк III.V.8–10 — Иероним, Письмо 57.5	Что делать при отсутствии краткого соответствия?	Локк обсуждает объединение идей именем; Иероним защищает перевод смысла. Возможность описания не равна сохранению стиля.
Иероним 57.5 — Шлейермахер, два направления	Ради чего меняется форма?	Полемическая защита и теория двух направлений перевода имеют разные задачи; ни одна не разрешает незаметно добавлять утверждения.
Локк III.V.7–10 — Шлейермахер, пересказ и два направления	Что сохраняют имя и пояснение?	Компактность сочетания и встреча автора с читателем не тождественны; ясность описания не доказывает совпадение впечатления.
Августин, «Исповедь» I, освоение речи — Локк III.V.7	Как слово связано с действием?	Автобиографическая сцена и философия именования дают разные способы поставить вопрос о контексте; не единое экспериментальное объяснение.
«Дао дэ цзин» 1 — Локк III.V.10	Завершает ли название понимание?	Даосский предел называния и фиксация сложной идеи именем различны; заимствование термина не устраняет эту разницу.
Августин, освоение речи — Иероним 57.5	Что требуется передать помимо последовательности слов?	Общая сцена и выразительность перевода сопоставимы лишь как вопросы; религиозные тексты не устанавливают современную методику обучения.

Первоисточники

1. Джон Локк, An Essay Concerning Humane Understanding, III.V.7–10. Прочитаны выбранные нумерованные параграфы; исторический английский текст, без полного чтения книги.

2. Иероним, Письмо 57, §§2,5–6. Английский перевод W. H. Fremantle, G. Lewis и W. G. Martley, редакция New Advent; прочитана ситуация перевода и защита метода. Латинский и греческий тексты не сверялись.

3. Фридрих Шлейермахер, On the Different Methods of Translating. Перевод Waltraud Bartscht; выбранные фрагменты от абзаца Paraphrase seeks до двух направлений перевода. Не полное чтение труда и не сверка немецкого текста.

4. Августин, Confessions, Book I. Исторический перевод E. B. Pusey, прочитаны абзацы освоения речи; не вся книга и не экспериментальные данные.

5. Tao Teh King, chapter 1. Исторический перевод Джеймса Легга; прочитана глава 1. Китайский текст не сверялся; текст не является теорией перевода.

Теги

перевод, непереводимость, язык, контекст, значение, понятие, слово, чтение, комментарий, транслитерация, заимствование, переводчик, Локк, Иероним, Шлейермахер, Августин, даосизм, Дао-дэ-цзин, первоисточники, философия-языка, сравнительное-чтение, культурные-различия, история-перевода, форма-и-смысл, стиль, обращение, текстовая-проверка, самоописание, редакционная-ответственность, United-Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.